

Георгий МЕНГЛЕТ:

Эта тайна живет во мне

Сов. Россия. — 1989 — 26 февр. — С. 6.

— Георгий Павлович, в юности у всех самые разнообразные интересы и увлечения. Несомненно, так было и с вами. С дистанции времени вы сейчас можете дать себе отчет в закономерностях профессионального выбора. И мы хотим спросить: почему вы решили выбрать профессию актера? Не было ли тут случайности?

— Я всю свою жизнь отдал театру. Другой профессии у меня нет, и, как вы понимаете, уже не будет. Родился я и провел детство в бесконечно любимом мною Воронеже. Он всегда считался театральным городом. Достаточно вспомнить фамилии замечательных актеров и актрис того времени, там игравших, — Николай Покровский, Аркадий Поляков, Павел Значковский, Антоний Ходурский, Зоя Чекмасова, Георгий Васильев, Георгий Шебуев, чтобы убедиться, что это на самом деле так...

Вспоминаю и то, как мои родители, люди простые, но всегда тянувшиеся к искусству, собирались в театр. Все, что только лучшего было, извлекалось из шкафа. Я вырос, и они меня брали с собой все чаще, и это было ни с чем не сравнимое счастье.

С замирающим сердцем я входил в старое здание театра. Всюду — бордовый бархат, позолота лепнины... Занавес еще закрыт — красивый, тяжелый. Что за ним? О, это тайна, волнующая, прекрасная... Она до сих пор живет во мне.

Впервые я подумал о профессии актера, примерил ее, так сказать, на себя, на каком-то из спектаклей с участием несравненного Николая Покровского. Я считал себя натурой «утонченной», был первым артистом в школе и, как следствие, — запустил точные предметы, особенно был бездарен в математике. На выпускных экзаменах наш математик Евгений Иосифович Берникер вызвал меня к доске и задал пример. Как ни легок он был, все же мне оказался не по зубам. Учитель глядел, глядел на мои мучения, потом со вздохом спросил: «Менглет, так ты точно решил стать актером?» Я утвердительно кивнул. «Ну садись... Тройка...» Как бы там ни было, а совесть моя перед ним чиста: я стал тем, кем хотел.

Мне вспоминается начало тридцатых годов. Москва тогда по праву считалась театральной Меккой. Это было время Счастливого Зрителя. Ведь одновременно шли спектакли Станиславского и Немановича-Данченко, Вахтангова и Мейерхольда, Алексея Дикого и Алексея Попова, Юрия Завадского, Александра Таирова, Сандро Ахметели, Николая Охлопкова, Андрея Лобанова, Константина Марджанова, Леся Курбаса... Это только режиссеры, не говоря о той несметной плеяде поражающих и потрясавших всех актеров!

Но что же происходило вне театра с его прекрасными спектаклями? Вокруг шла жизнь, как сегодня мы понимаем, жизнь страшная, жестокая. Как же формировалась моя, скажем вернее, — моего поколения сущность? Будучи учеником великого артиста и режиссера Алексея Дикого, разве я тогда задумывался всерьез, почему он был репрессирован в 1936 году? Арестован он был как «английский шпион», отси-

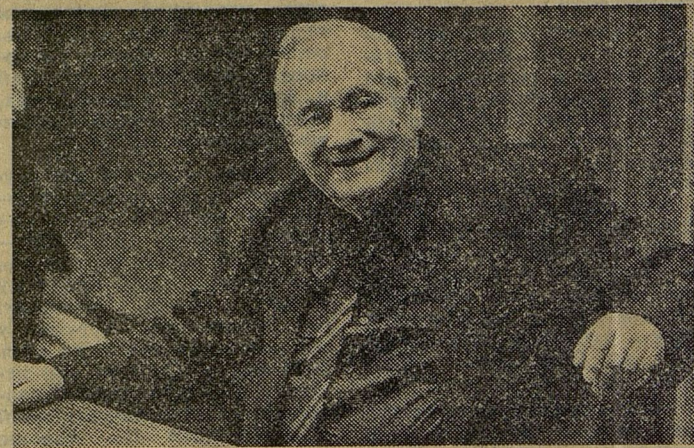
дел пять лет, а потом получил премию за лучшую роль в кино...

— В фильме «Адмирал Нахимов»?

— Да-да, именно. И Кутузова сыграл великолепно. И Сталина играл! Удостоен был пяти сталинских премий. Его Сталин был большой, красивый, мощный. Дикий то ли в шутку, то ли серьезно говорил: «Я играл не Сталина, а мечту народа о нем».

— А кого вы считаете в самом глубоком смысле профессионалом в искусстве?

— Умеющего глубочайше проникнуть в самую суть образа, до самого дна, не теряя своей индивидуальности.

— Вы говорили, что в 30-е годы действовало много самых разнообразных студий. Затем многие из них, как мы знаем, были закрыты, в том числе и студия Дикого. В период застоя их тоже не было. И только совсем недавно начался процесс возрождения творческих студий. Как вы его оцениваете?

— С радостью. Но видите ли, студии-то студиям рознь. Вы же понимаете, кто руководил тогда этими студиями, кто учил и кто куда звал. У них, уже упомянутых мною корифеев театра, у каждого была своя программа, своя идея построения. Вот у Дикого, к примеру, была идея построения литературного театра. Боюсь, что нынешние студии не все сумеют выжить. Театр должен удивлять своими спектаклями. Не теми формальными изысками, которые у всех в зубах навязли, а идеей, в высочайшем, благородном смысле этого понятия.

— А как, по-вашему, можно «завоевать» сердца зрителей?

— Всегда вести с ними честный разговор. Только так можно проникнуть в их сердца, в их души. Только так можно заставить их радоваться и грустить, плакать и смеяться. Задача трудная, но увлекательная. Когда ощущаешь контакт со зрителем, ты творишь, а не являешься только механическим исполнителем воли режиссера.

— Как, на ваш взгляд, влияют на театральную жизнь, на ее развитие перемены, происходящие в нашем обществе? Если употребить ваше же выражение, — станет ли Москва вновь театральной Меккой?

— Сегодняшняя наша жизнь динамична, насыщена событиями. Время и для театра наступило благословенное. Ставить разрешено все. Никто из «начальства» не стоит над душой, не приходит «принимать» спектакль, как это было раньше. Другое дело, что потом можно разругать его в пух и прах. Вот сейчас В. Плучек репетирует пьесу В. Войновича «Трибунал» (я там играю председа-

теля этого трибунала). Что же нас ждет? Кто знает...

Поскольку в Театре сатиры главный персонаж, как правило, отрицательный, то я и над этой ролью работаю, стараясь не прибегать к гротеску и руководствуясь собственной формулой. Вот как она звучит: необходимо знать субъективную правду отрицательного персонажа.

У актера всегда живет желание не только увидеть, а глубоко рассмотреть и осмыслить свой персонаж, соотнося его с нашей историей и с сегодняшним днем. Ведь каждый человек, хочет он этого или нет, несет личную ответственность и за прош-

лое, и за настоящее. Сегодня все мы, в том числе и я, проживший долгую жизнь, начинаем вновь учиться осмысливать процессы, происходившие в нашем обществе. Настало время духовного очищения. Если мы, каждый по отдельности и все вместе, сможем их осмыслить — без истерик, злобных нападок друг на друга, — уверен, что это и оздоровит общество, и даст новые силы для его духовного развития.

Нередко можно слышать, что перестройка идет медленно. Я считаю, что пусть мы медленно будем преодолевать трудности, вставшие перед нами, чем продолжать губительно, пассивно жить, находиться в том безвоздушном пространстве, в котором так все мы долго пребывали.

Скажу еще, я верю в новый взлет московских театров, да и театра вообще, несмотря на то, что материала для этой веры сейчас у меня минимальное количество. Но есть, есть уже ростки удивительного и удивляющего.

Я воспитан на том, что в искусстве должен быть лидер — Личность. Как-то не очень верю я в оркестр без дирижера. Видел я такие оркестры — кончили они скверно. Когда у Родена спросили: для вас в искусстве важно «что» или «как»? Он ответил: «кто!» И это очень верно. Кто!..

— Ну хорошо, а кто из театральных режиссеров нового поколения мог бы, по-вашему, взять на себя бремя лидера?

— Некрошис в Литве. Талантливый человек. Анатолий Васильев в Москве.

— Да, но у него до сих пор нет своего театра...

— А в этом, простите, мы все виноваты! У Васильева нет, а у некоторых режиссеров давно есть. Они же пробивные. Они и на Западе что-то делают, и здесь, и там — всюду! А этот, бородастый, интеллигентный, так и будет

слоняться, как бездомный, и неизвестно, чем все это кончится.

— Георгий Павлович, вы работаете в одном из самых трудных жанров — в жанре сатиры. Но фактически ее у нас сейчас нет. Получается парадокс: во времена застоя, когда запрещались пьесы, фильмы, книги, шли блестящие, острые, злободневные спектакли. В том же Театре сатиры. Почему же теперь, в эпоху гласности, мы таких спектаклей почти не видим?

— Я благодарен вам, что вы помните острые, сатирические спектакли нашего театра: «Баня» и «Клоп» Маяковского, «А был ли Иван Иванович?» Назыма Хикмета, «Видерман и поджигатели» Макса Фриша, «Василий Теркин на том свете» Александра Твардовского... Но знаете, сколько сил и здоровья было отнято у нашего руководителя Валентина Плучека «пробиванием» этих спектаклей? Значительно больше, чем ушло на их создание.

И сегодня в репертуаре театра превосходные сатирические пьесы: «Роденькие мои» Андрея Смирнова, «Самоубийца» Николая Эрдмана, «По 206-й» Василия Белова. И, наконец, сейчас работаем над сатирой Владимира Войновича «Трибунал».

Вспоминается в связи с нашим вопросом мой разговор с Диким. Я сказал ему — это было, помнится, в 1945 году, — что поступаю в Театр сатиры. «Куда?» — переспросил Алексей Денисович. «В Сатиру!» — погромче ответил я. «Куда, куда?» — «В Сатиру!» — «А разве есть такой театр в Москве?» «Ну что вы, Алексей Денисович, — naïвно удивился я его вопросу. — Конечно, есть...» «Да перестань, — отмахнулся он. — В лучшем случае будете бытовые комедии играть. Кто вам позволит ставить сатиру?» И он для вящей убедительности привел грузинскую поговорку: если ты хочешь в глаза своему лучшему другу сказать горькую правду, на всякий случай имей наготове оседланного коня. Конечно, по этому принципу Театр сатиры жить не может. Но...

«Теркин» так и не увидел света, несмотря на вмешательство Александра Трифоновича. И у Хикмета ничего не вышло — его «Ивана Ивановича» запретили сразу. Теперь — «Самоубийца». Разрешили. Это случилось в 1982 году. В ноябре состоялась премьера, а к Новому году спектакль был запрещен. Табу наложил Демичев, ни разу не видевший «Самоубийцу». Что делать? Мы пошли к нему. Стали убеждать, вспоминать Станиславского, утверждавшего, что пьеса Эрдмана гениальна. Говорили, что и Горький, и Маяковский были того же мнения. «Пьеса безнадежно устарела, и не будем возвращаться к этому вопросу, товарищи», — сказал нам Демичев...

А мы все-таки вернулись! И пьеса с большим успехом идет на нашей сцене. И я верю, что, кроме тех, названных выше, появятся в Театре сатиры новые яркие сатирические спектакли!

— Георгий Павлович, вы долгое время работали в театре вместе с Папановым и Мироновым. Ваши взаимоотношения, видимо, не ограничивались только сценой. Что вы можете сказать об этих прекрасных актерах?

— Что они — прекрасны! Но это не ответ, я понимаю.

Толя был в творчестве парадоксален и в жизни человек неожиданный. Причем, будучи по натуре резким, очень прямым, он ни разу мне не сказал грубого, обидного слова. Больше всего в искусстве он любил, по его собственному выражению, «гастрономию». Чтобы там перепыл свой, так сказать, соль или горчица — всего понемногу. Вот это крайние его краски, вернее, «приправы» к тому или иному образу. Он постоянно находился в мучительных, совестливых размышлениях о своем месте в театре, в жизни. На репетициях находил такие интонации, которые далеко не каждому актеру по силам. Как он великолепно играл, например, Городничего в «Ревизоре»! Это, мне думается, вершина его актерского мастерства.

Несмотря на резкость, Анатолий Дмитриевич был добрым человеком. На заседаниях художественного совета его часто заносил темперамент, и он тогда резал матку-правду в глаза любому. А спустя полчаса, как же он маялся, кланя и казня себя за несдержанность!..

У нас с ним часто были споры. Например, он считал, что режиссер — не главная фигура в театре. Главной, по его мнению, был актер. «Мне ваши режиссеры только мешают», — говорил он и проводил ребром могучей ладони по горлу. — Вот где они у меня, понятно? Это не было ни упрямством, ни ограниченностью театральной культуры, ни бравадой. У него на это и на многое другое была своя собственная точка зрения, зачастую не совпадавшая с общепринятой.

И еще. Папанов был однолюб. Однолюб во всем. О чем это говорит? О незаурядной цельности его натуры.

О Миронове... Андрей был актером неистощимой фантазии и юмора, огромного обаяния, мягкой иронии. Он всегда праздничный, «нарядный», поэтому и его герои всегда были уникально яркими.

— Вы считаете себя театральным актером. А каково ваше отношение к кино?

— Об этом смешно говорить, ведь в кино я снялся лишь раз в жизни — в роли Черчилля в фильме Евгения Матвеева «Победа».

А вот на телевидении у меня была очень дорогая мне роль в знаменитом сериале «Следствие ведут ЗнаТоКи». Роль Евгения Евгеньевича, начальника мусоросвалки. У меня потом было связано с этим немало забавных происшествий. Подходит ко мне как-то на улице человек и говорит: «Простите, я прокурор». Ну представляется, в общем, и благодарит меня за игру, за доставленное, так сказать, удовольствие. А в заключение неожиданно признается: «Знаете, не хотел бы иметь такого извортливового подследственного!»

— Георгий Павлович, а как вы оцениваете свои взаимоотношения с публикой?

— Знаете, этот вопрос лучше задать зрителям. Я же к ним отношусь с глубокой симпатией и надеждой, что наши встречи еще не раз повторятся!

Беседу вели
В. БАШКОВ,
Ю. СЛАВИЧ.

Фото Ю. Щенникова.